

II. Фейерабенда и современное коммуникативное пространство

В. Л. Александров

Пол Фейерабенд известен в первую очередь как философ науки, создавший оригинальную концепцию «эпистемологического анархизма». Основные её положения закономерно привели П. Фейерабенда к обобщениям общепhilosophического характера. Прежде всего речь идёт о методологическом принципе пролиферации (его знаменитые формулировки – «всё дозволено», «делай, что хочешь») и принципе несоизмеримости (в более сильном варианте – несовместимости) теорий. Первый принцип означает, что в самой науке не может быть зон, свободных от критики. Понятия и методы, гипотезы и теории, картина мира и даже факты – всё при определённых обстоятельствах может быть подвергнуто сомнению. Следование этому принципу может осуществляться в двух противоположных направлениях. С одной стороны, это готовность некоторых учёных принять участие в ниспровержении существующих теорий и создании новых, что является одной из предпосылок научных революций. С другой стороны, пролиферация выступает как «принцип упорства». Он «требует сохранять теорию, даже если имеются знания, с которыми она несовместима... поскольку теории способны развиваться, совершенствоваться и со временем могут справиться с теми трудностями, которых они совершенно не могли объяснить в своей первоначальной форме» [1, с. 117-118]. Только такое диалектическое сочетание реформаторства и консерватизма позволяет по П. Фейерабенду обеспечивать научный прогресс. Но в рамках одной парадигмы такое сочетание оказывается невозможным: в науке, как и в политике, нельзя быть «революционером» и «охранителем» одновременно. Но если в общественной жизни противоположные силы считаются таковыми именно благодаря поляризации взглядов по каким-либо

критериям в рамках одной системы координат, то в науке это проявляется иначе – как принцип несоизмеримости теорий. Суть его в том, что каждая теория сформулирована на своём языке (имеет свою «онтологию»). Этот язык задаёт не только описание и объяснение фактов, но и саму их фиксацию. Не случайно П. Фейерабенд разделял известную концепцию Э. Сепира-Б. Уорфа, согласно которой язык формирует образ мира: язык не столько отражает реальность, сколько конструирует её.

Последовательное проведение этих тезисов в дальнейшем привело П. Фейерабенда к достаточно радикальным гносеологическим выводам. В частности, он стал отрицать наличие принципиальной ценностной разницы между наукой и не-наукой. Наука объявлялась им одной из форм освоения мира наряду с религией, магией, искусством, философией, обыденным опытом: она не лучше их и не хуже. Как «анархист» он протестует не против науки как таковой, а против её монополизированной роли на «рынке знаний» в современном обществе. В этом плане любая форма познания становится неизбежным злом, когда она оказывается единственной, безальтернативной. Согласно П. Фейерабенду наука сейчас столь же авторитарна и догматична, как религия в средневековье или мифология в древних обществах – именно в силу своего господствующего положения. Выход из этой ловушки П. Фейерабенд видит в том, чтобы строить по-настоящему свободное общество, «в котором всем традициям предоставлены равные права и одинаковые возможности влиять на образование и прерогативы власти» [2, с. 44-45]. На первый взгляд очевидна утопичность такого социального идеала: по крайней мере в истории нет примеров обществ, которые хотя бы приближались к такой степени свободы, где можно каждому всегда выбирать между астрономией и астрологией, наукой и магией, а внутри этих форм выбирать между различными теориями, практиками, дискурсами. Любая революция – научная, культурная, политическая – совершается для того,

чтобы легитимизировать новый социальный или мировоззренческий порядок. Никакая революция не бывает перманентной, свергающей саму себя. Но всё же одна революция потенциально могла поставить под сомнение эту неизменную историческую схему. Это свершающаяся на наших глазах информационная революция. В её рамках - особенно после создания сети Internet – создаётся особое коммуникативное пространство, которое на первый взгляд является ничем иным, как воплощением «анархического» идеала П. Фейерабенда.

Во-первых, в таком пространстве де-факто реализован принцип «всё дозволено». Благодаря сетевой (неиерархической) организации, возможности анонимного присутствия и поведения и некоторым другим особенностям это пространство оказывается ненормативным и ненормированным. Впервые в истории создана среда для потенциального существования вне норм как таковых. Нормы грамматики и этики, права и логики, науки и религии – всё оказывается в подвешенном состоянии. Возникает особая субкультура насмехания над самим принципом нормы: демонстративно неграмотное правописание, троллинг, оскорбления вместо соболезнований родственникам и друзьям умерших и т. д.

Во-вторых, благодаря «виртуализации» реальности по существу доведён до предела принцип «несоизмеримости». Изначально казалось, что Internet существенно расширит возможность проверки утверждений на соответствие реальности. Но количественное и качественное разнообразие «картин» реальности привело к обратному эффекту. С одной стороны, участники интернет-коммуникации по традиции могут требовать доказательств (подтверждения фактов, проверки гипотез, обоснованности выводов, корректности обобщений), с другой, они же заранее могут всё, что не вписывается в их собственную «картину», объявить подделкой, фальсификацией, выдумкой (фейком, фотошопом и т. п.). При этом само обвинение кого-либо во лжи или заблуждении может не обосновываться.

Даже сами логические методы и операции могут использоваться лишь как элементы «языковой игры» - в любой момент, на любое время и с любыми целями. Но эта «языковая игра» принципиально отличается от всех существовавших ранее – в ней правила могут вводиться и отменяться произвольно. Неудивительно, что многие люди, привыкшие к идеалам и ценностям своей стабильной картины (что бы ни лежало в её основании – религиозный догматизм или философский скепсис, научная рациональность или архаичные суеверия), оказываются в состоянии «шока» (предсказанного ещё Э. Тоффлером) при соприкосновении с новым миром.

Но тот ли это мир, к построению которого призывал П. Фейерабенд? Он говорил о теоретической нагруженности фактов, но он не отрицал самого понятия «факт». Он говорил о несоизмеримости теорий, но не отрицал само существование последних как целостных и обоснованных моделей изучаемой реальности. При всей своей «эпистемологической революционности» он не отвергал сами научные нормы «описание», «подтверждение», «опровержение» и др. Да и как социальный мыслитель он оставался в рамках своей утопии приверженцем классических ценностей гуманизма, демократизма, либерализма и даже рационализма. В этом плане главное противоречие его основного тезиса остаётся неразрешимым: если в свободном обществе все традиции имеют равные права, то как такое общество должно реагировать на традиции (идеологии, учения, доктрины), цель которых – уничтожить сам этот принцип свободного общества? Множество политических, религиозных, культурных, социальных конфликтов и кризисов современного мира (от интернет-троллинга до терроризма) вновь и вновь со всей остротой ставят этот вопрос.

Список использованных источников:

1.Фейерабенд, П. Утешение для специалиста / П. Фейерабенд // Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.

2. Фейерабенд, П. Наука в свободном обществе / П. Фейерабенд. – М., 2010.

Библиотека БГУИР